

Метафора зникнення персонажа в романах російського, польського та українського письменників – це метафора нівеляції внутрішньої цілісності і цінності людини в очах оточення, що звичайно супроводжується полісемантичністю самоусвідомлення, дезорієнтованістю, знеціненням особи у власних очах. З'ява спільних мотивів у національних літературах, що розвиваються несинхронно в певні історичні періоди, свідчить про існування цієї проблеми в масштабах загальнолюдських. Коли росіянин А. Бітов у романі “Пушкінський дім” (1971) констатує факт деперсоналізації сучасної особи в атмосфері тоталітарної країни, поляк П. Хюлле в романі “Вайзер Давідек” (1987) шукає способи вирішення означеної проблеми, то українець Ю. Андрухович у своїй “Перверзії” (1996) пропонує можливий варіант її універсального розв'язання – на особистісному, індивідуальному рівні.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Андрухович Ю. Перверзія: Роман. – Львів, 1999. – 290 с.; 2. Бітов А. Пушкинский дом: Роман // Новый мир. – 1987. – №№10 – 12. – С.3 –92; 55 – 91; 50 – 110; 3. Бітов А. Пушкинский дом: Роман. – М., 1990. – 416 с.; 4. Гнатюк О. Авантюрний роман і повалення ідолів // Андрухович Ю. Рекреації: Романи. – К., 1997. – С. 9 – 26; 5. Карабчиевский Ю. Точка боли: О романе А.Битова “Пушкинский дом” // Империя в четырёх измерениях. П. Пушкинский дом: Роман. – Харьков; М., 1996. – С. 491 – 509; 6. Ксемпа В.О. “По ту сторону лобной стенки”: Конспект непрозиснесённого диалога по поводу некоторых сочинений писателя А.Битова // Лит. обозрение. – 1989. – №3. – С. 24 – 27; 7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа //Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – С. 21 – 186; 8. Huelle P. Weiser Dawidek. – Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria,1987. – 257 s.

Ларіонова М.Ч. (Ростов-на-Дону, Росія)

Русско-украинское культурное пространство: творчество А.П. Чехова*

У творчості А.П. Чехова відобразився спільний російсько-український культурний простір, сформований на півдні Росії, у російсько-українському прикордонні, де пройшло дитинство письменника. Особливі південноросійські обрядові уявлення, образність і сюжети втілені й у листах, і в оповіданнях, і у п'єсі «Вишневий сад». Знання цих фактів традиційної народної культури сприяє повнішому й глибшому розумінню чехівських творів.

Ключові слова: Чехов, російсько-український культурний простір, фольклор, Різдва, Вишня.

В творчестве А.П. Чехова нашло отражение единое русско-украинское культурное пространство, сформированное на юге России, в русско-украинском пограничье, где прошло детство писателя. Особые южнорусские обрядовые представления, образность

* Стаття виконана в рамках проекту «Традиционные пространственные модели в русской литературе» Подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез».

и сюжеты воплощены и в письмах, и в рассказах, и в пьесе «Вишневый сад». Знание этих фактов традиционной народной культуры способствует более полному и глубокому пониманию чеховских произведений.

Ключевые слова: Чехов, русско-украинское культурное пространство, фольклор, Рождество, вишня.

In the works of A.P. Chekhov's reflected united the Russian-ukrain cultural space, formed on the south Russian, when was childhood by writer. The special southrussian ritual presentations, imagery and subjects reflected in the letters, in the stories, in the play "The Vishnevii garden". The knowledge that facts traditional folk cultural will promote the most exact interpretation works of A.P. Chekhov's.

Key words: Chekhov, the Russian-Ukraine cultural space, folklore, Christmas, cherry.

А.П. Чехов родился и вырос в Таганроге, в городе, который до 1887 г. входил в Екатеринославскую губернию и в котором украинское население составляло большинство. Это обстоятельство во многом повлияло на формирование художественного мира писателя.

Украинские связи Чехова уже были отмечены исследователями [3; 7; 12 и др.]. Однако главное внимание было сосредоточено на фактах его биографии. Нас же интересует единое и не расчлененное в сознании писателя русско-украинское культурное пространство, которое определяется сложным и не всегда заметным переплетением русских и украинских элементов народной традиционной культуры в повседневной жизни южнорусского человека.

Чехов любил юг, особенно когда покинул его и возвращался лишь на время. Любимым направлением его путешествий, как заметила Ж. де Пруайяр, был юго-восток: через Харьков в Ростов, Таганрог или в Кубань, на Кавказ [11, 157]. Для него не было различий между Россией и Украиной – это был милый его сердцу юг, где «море и свежие люди» [14, П. III, 14]. «В моих жилах течет ленивая хохлацкая кровь, – писал Чехов Григоровичу, – я тяжел на подъем и не люблю выходить из дому...» (П. III, 102). Украинскими выражениями пестрят его письма: «Це не гарбуз, а слива», «Казав пан – кожух дам, слово его тепло».

Чехов возражал против культурного изоляционизма, против «украинофильства». Отвечая на обвинения Плещеева, что в рассказе «Именины» он смеется над украинофилом, желающим освободить Малороссию от русского ига, Чехов пишет, что имел в виду тех людей, которые «ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего нацепляют на свои лбы ярлыки» (П. III, 19). Зато любовь украинцев «к теплу, к костюму, к языку, к родной земле» «симпатична и трогательна» (П. III, 19).

Некоторые произведения писателя были переведены на украинский язык М. Грушевской и присланы ему в ноябре 1901 года из Львова редакцией журнала «Літературно-науковий вістник» [3, 297]

В произведениях А.П. Чехова, особенно ранних, очень силен и заметен русско-украинский элемент, который часто служит ключом к их пониманию. Рассказ «В рождественскую ночь» многие современные писателю критики и литературоведы следующих поколений считали неудачным, невероятным и несообразным. Герой этого рассказа помещик

Литвинов в ночь перед Рождеством отправляется ловить рыбу в замерзшем море. Почему ночью? Зачем Литвинову так вдруг понадобилась рыба, что он, рискуя жизнью, решил на этот шаг?

Этот странный с бытовой точки зрения факт получает объяснение в русско-украинском фольклорно-мифологическом пространстве, где рыбный суп был обязательным рождественским блюдом. С точки зрения народных представлений, поступок помещика Литвинова преследует несколько целей. В первую очередь, он должен принести практическую пользу: доставить к рождественскому столу рыбу. Но есть в нем и более глубокий смысл. Рождество – это праздник примирения и всеобщей любви. То есть рождественская рыбалка помещика Литвинова призвана укрепить семью, в которой, как выяснилось, жена не любит мужа.

Употребление рыбы как обрядового блюда в Рождественский сочельник определяется ее значением «как символа рождения и новой жизни, получающего воплощение и в христианской традиции, прежде всего в “рыбной” метафорике Христа» [4, 748]. Кроме того, рыба связана с мужской производящей силой. Следовательно, рыба призвана сыграть продуцирующую роль. Но рыба может символизировать не только плодородие, но и равнодушие, сексуальную индифферентность [13, 393]. Помещик Литвинов любил свою жену. А жена всю свою страсть направила на не-любовь. И это самое страшное нарушение заветов Рождества, потому что противоречит фольклорно-мифологической идее воспроизведения жизни и христианской идее всеобщей любви.

Элементом рождественского сочельника является ожидание и встреча мертвых. Наталья Сергеевна ждет мертвого не символически, а буквально: ждет его смерти. А все загаданное в сочельник сбывается. Жена помещика Литвинова, лишенная связей с мужем, не просто разрушает атмосферу и смысл Рождества, но и становится убийцей, воплощением смерти. В похоронных причитаниях смерть, часто приходящая с моря, персонифицируется в образе молодой женщины, идет «по крыльечку молодой женой». Чеховская героиня, «молодая женщина лет двадцати трех, с страшно бледным лицом» (С. II, 286) спускается по лестнице с мокрыми и липкими перилами и скрипучими ступенями.

Но последняя степень падения – предательство не только любящего мужа, но и всех человеческих ценностей – оборачивается возрождением Натальи Сергеевны. Это духовное прозрение уже не может быть прочитано только в контексте фольклора, оно отсылает к нравственно-религиозной идее очищения души, к христианской учительной литературе.

С литературоведческой точки зрения, такая интерпретация чеховского произведения открывает возможность анализа его жанровой природы, пространственно-временных характеристик, образной системы, поэтики и прочих специальных процедур. Но нам важно подчеркнуть естественность и органичность включения украинского материала в творчество русского писателя, который давно уже вышел за границы национального восприятия и стал общечеловеческим, мировым достоянием.

В рассказе «На пути», герои которого находятся на жизненном распутье, в ситуации несостоявшегося выбора, Чехов опять прибегает к украинскому фольклору. В этом рассказе снова время действия – Рождество, а место

действия – русско-украинское пограничье. И мальчишки на постоялом дворе исполняют самую странную и нетипичную колядку, которую Чехов мог выбрать из святочного репертуара:

Гей ты, хлопчик маненький,
Бери ножик тоненький,
Убьем, убьем жида,
Прискорбного сына...

Можно себе представить, какие суждения на тему «Чехов и евреи» может породить этот эпизод у желающих поспекулировать на национальном вопросе. Но речь идет о художественном произведении, и, следовательно, функции у этой колядки – художественные.

Почему Чехов избирает именно украинскую обрядовую песню? Скорее всего потому, что в русских колядках нет религиозного приурочения. Зато в украинские проникли христианские мотивы и персонажи. В чеховском рассказе, как нам кажется, актуализуются вполне определенные культурные смыслы. Писатель изобразил человека-скитальца, вызывающего ассоциации с «вечным жидом» Агасфером. Лихарев, герой рассказа, за свою жизнь испытал обольщения и разочарования целых поколений: страсть к наукам, нигилизм, народничество, славянофильство, толстовство и т.д. С одной стороны, такая концентрация разнообразных и часто антагонистических идей – это отличительная черта второй половины русского XIX столетия, но с другой – напоминает о вечно живущем «прискорбном сыне», который помнит начало новой эры.

Атмосфера рассказа будто погружает события и героев рассказа в какое-то доисторическое прошлое, когда все только может начаться. Но не начинается. Может начаться, но не начинается любовь Иловайской к Лихареву. Может начаться, но не начинается духовное возрождение Лихарева. Случайная встреча может обернуться, но не оборачивается семьей, родством, обретением дома, прекращением странничества. Рождество состоялось как календарное событие, но не как трансцендентное. Так, помимо географических реалий (хутор Иловайский, вблизи которого разворачивается действие), в рассказе создано особое пограничное русско-украинское культурное пространство, хорошо знакомое тем, кто жил и живет на юге России, в Таганроге, где до сих пор говорят на причудливой смеси языков и поют украинские песни.

В повести «Степь» знаком покидаемого Егорушкой «своего» пространства, домашнего прошлого становится кладбище с вишневыми деревьями. Посадка вишневых деревьев на кладбище – специфически южнорусское явление. Вишня на юге России и в Украине актуальна в похоронной и свадебной обрядности, она обладает амбивалентной витально-мортальной семантикой. Потому и кладбище у Чехова «уютное, зеленое», «весело выглядывают белые кресты и памятники, которые прячутся в зелени вишневых деревьев и издали кажутся белыми пятнами», а когда вишня спеет, «белые памятники и кресты бывают усыпаны багряными, как кровь, точками». Потому и бабушка и отец Егорушки «спят» (С., VII, 14).

Это объясняется не просто особенностью детского сознания, еще не принимающего смерть, не только идеей о смерти-сне и последующем воскресении, но и традиционной южнорусской символикой вишни, создающей

свой ассоциативный ряд и «работающей» на представление о человеческой жизни как странствии, путешествии между жизнью и смертью, между смертью и возрождением. Д.К. Зеленин, считавший жизнью Русь отдельным краем и по этническим особенностям, и по культуре, специфически южнорусскими региональными полагал манипуляции с вишневыми ветками, которые девушки ставили в воду, чтобы они распустились к Рождеству. По ним гадали [5, 29]. Э.А. Полоцкая тоже подчеркивает южнорусский характер вишни и вишневого сада и связывает этот образ с детскими впечатлениями Чехова [10, 139]

У вишни есть и общефольклорная аграрная символика, и специфически брачная, которая актуализуется именно на юге России, в русско-украинском пограничье. До сих пор здесь в свадебный каравай вставляют вишневую ветку, если зимой – с искусственными цветами. Поэтому спелая вишня на могильных плитах напоминает Егорушке кровь, а смерть ассоциируется со сном, после которого наступает пробуждение.

Эти значения вишни обеспечивают надежду на будущее и в комедии «Вишневый сад». Как справедливо отметил А.М. Вилькин, на одном полюсе драмы – материальный «вишневый» сад, а на другом – «вечно умирающий и так же вечно возрождающийся мистический «вишнёвый сад» [2, 201]. Чеховский Вишневый сад является одним из самых ярких и сложных символических образов в русской литературе. Его значение истолковывается в диапазоне от символа дворянского быта до метафоры смены исторических эпох. Это одновременно герой пьесы и ее центральный символ. Как герой он имеет портретную характеристику, биографию, возраст, персонифицированного двойника – Фирса. Как символ он охватывает судьбу России и именно так трактуется большинством исследователей. Но почему сад и почему вишневый?

И.А. Бунин, не принявший пьесы и ее поэтики, возмущался именно образом вишневого сада: по его мнению, сплошь вишневых садов в России нет. В бунинской России, скорее всего, нет, а в чеховской, в русско-украинском пограничье, – есть. Отдыхая весной в Сумах, Чехов в числе местных достопримечательностей часто называет цветущую вишню. В письме М.П. Чеховой 26 апреля 1889 г.: «Ждем тебя с нетерпением <...> Вишни и сирени еще не цвели» (П. III, 198); в письме А.С. Суворину, май 1889: «Я глазам не верю. Недавно были снег и холод, а теперь я сижу у открытого окна и слушаю, как в зеленом саду, не смолкая, кричат соловьи, удопы, иволги и прочие твари. Псел величественно ласков, тоны неба и дали теплы. Цветут яблони и вишни» (П. III, 201). Сравнение цветущего вишневого дерева с невестой тоже встречается в чеховских письмах задолго до «Вишневого сада». Замена во втором акте пьесы в московской постановке южных тополей березами и елками казалась ему ужасной [10, 25].

Символ «вишневый сад» связан с мифологическими представлениями о древе жизни (не зря же он в пьесе располагается на пригорке), а дерево – это медиатор между «верхним» и «нижним» мирами, между жизнью и смертью, прошлым и будущим. Выращивание садов было частью обрядов, посвященных богу растительности и посевов. А боги растительности, как известно, имели обыкновение умирать и вновь воскресать. В народной песне дерево часто

связано с погубленным девичеством или с нежелательным браком (в украинской песне «горіла сосна, палала, під ней дивчина стояла, русьяву косу плетала», а в русской: «ой ты, сад, ты мой сад, что раным-рано цветешь, осыпашься», потому что «милой дружок» в путь собирается). Подобный сюжет с другой мотивировкой встречаем и в истории Адама и Евы. Таким образом, создается семантика соблазна и грехопадения, утраты рая.

Брачная символика вишни усиливает это значение. Вишня традиционно символизирует чистоту и непорочность. В христианской мифологии вишня – райский плод. В русском фольклоре уже само определение – «вишневый» – имеет идеальный, качественно оценочный смысл, оно из того же ряда, что и эпитеты золотой, серебряный, жемчужный [8, 230]. В украинских песнях вишня связана с брачными или любовными мотивами:

Ой вишенько, черешенько,
Чом рясно не родиш?
Молода дивчинонько,
Чом гулять не ходиш? [9, 1963: 10]

Вишня связана с девичеством. Неслучайно сокол-жених похищает канареечку-невесту в вишневом саду. В другой песне сваты требуют в качестве приданого зелен сад со вишеньем. Чехов, несомненно, понимал связь вишни со свадебным обрядом. Об этом свидетельствует повесть «Попрыгунья», в частности один из ее начальных фрагментов: «Артист говорил Ольге Ивановне, что со своими льняными волосами и в венчальном наряде она очень похожа на стройное вишневое деревцо, когда весною, когда весною оно сплошь бывает покрыто нежными белыми цветами» (С. VIII, 8). Символ «Вишневый сад» опирается на мифологемы жизни и смерти. Поэтому в пьесе так актуальны брачные мотивы: брак соединяет витальные и мортальные идеи. Смерть сопровождается плачем, жизнь – смехом. Оплакав вишневый сад, а с ним и всю Россию, писатель смехом «обеспечил» ей возрождение. Как в древнем похоронном обряде: несут покойника к месту погребения – плачут, идут обратно – смеются и поют эротические песни, заклиная его возвращение в мир живых. Как в обрядах похорон Кострубоньки, когда «хоровод поет весело:

Хвалю тебе, Христе цару,
Що мой милий на цвинтару!
Ноженьками пригоптала,
Рученьками приплескала.
А тепер, мій Кострубоньку,
Не лай, не лай, моєй мами,
Ти у глибокій уже ями». [1, 174]

Вообще «Вишневый сад» может быть назван пьесой о разрушенной, но поддающейся восстановлению гармонии. Нам особенно близок вывод Б.И. Зингермана: история вишневого сада стала мифом, «таким же поэтически безусловным, как древний миф об утраченном рае, утраченном золотом веке. Тема утрат и расставаний срачивается в этой комедии с темой обретения и встречи, бесконечной смены времен года и смены поколений – с предчувствием чуда, вечного чуда обновления жизни, как в мифе об умирающем и вновь рождающемся Дионисе» [6, 383].

Так регионально-фольклорная символика вишни, введенная в литературу

Чеховым, стала общерусской, а Вишневый сад стал символом русской жизни.

Из наших наблюдений следует еще один, очень важный сегодня, вывод. Между русской и украинской культурой нет противоречий. Они переплетены так тесно, что границы между ними провести нельзя, ни в географии, ни в политике, ни в сознании людей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989; 2. *Вилькин А. М.* «Вишневый сад» вчера и сегодня (Заметки режиссера) // Чеховиана. Чехов и его окружение. – М.: Наука, 1996. – С. 200 – 208; 3. *Гитович Н.И.* О судьбе эпистолярного наследия Чехова // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. – Письма в 12 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1974. – С. 295 – 318; 4. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997; 5. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991; 6. *Зингерман Б. И.* Театр Чехова и его мировое значение. – М.: Наука, 1988; 7. *Катаев В.Б.* Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа // Таганрогский вестник: Материалы Международной научной конференции «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». – Таганрог: ООО «Изд-во Лукоморье», 2004. – С. 1 – 8; 8. *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980; 9. Народные песни Полтавщины / сост. П. К. Батюк. – К.: Мистецтво, 1963; 10. *Полоцкая Э.А.* «Вишневый сад»: жизнь во времени. – М., Наука, 2004; 11. *Пруайяр Ж. де.* Образ юга в литературном творчестве А.П. Чехова // Век после Чехова: Междунар. науч. конф.: тезисы докл.; отв. ред. В.Б. Катаев. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 156 – 157; 12. *Седегов В.Д.* А.П. Чехов в восьмидесятые годы. – Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1991; 13. *Соколов М.Н.* Рыба // Мифы народов мира. – В 2-х т. – Т. 2. – М.: Большая рос. энциклопедия, 1998. – С. 391 – 393; 14. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. – Сочинения в 18 т. – Письма в 12 т. – М.: Наука, 1974 – 1988. Произведения А.П. Чехова цитируются по этому изданию: в тексте в круглых скобках буквой С. обозначаются сочинения, П. – письма; римской цифрой – том, арабской – страница.

Левицький В.А. (Київ, Україна)

“Kijoviae. Anno Domini”: структура історизму в київському тексті першої половини ХХ ст.

Стаття присвячена геопоетиці історичних просторів у київському тексті міста епохи модернізму.

Ключові слова: текст міста, геопоетика, «особистий» і «масовий» історизм, пам'ятування.

Статья посвящена геопоэтике исторических пространств в киевском городском тексте эпохи модернизма.

Ключевые слова: городской текст, геопоэтика, “личный” и “массовый” историзм, памятование.

The article is concentrated at geopoetics of historical spaces in Modern Kyiv city text.

Key words: city text, geopoetics, “personal” and “mass” historicism, recollection.